

С. А. ИВАНОВ

БЛАЖЕННЫЕ ПОХАБЫ

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ЮРОДСТВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

С. А. Иванов

БЛАЖЕННЫЕ ПОХАБЫ

Культурная история юродства

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
Москва
2005

Иванов С. А.

И 20 Блаженные похабы: Культурная история юродства / Рос. академия наук. Ин-т славяноведения. — М.: Языки славянских культур, 2005. — 448 с. — (Studia historica). — Цв. вклейка после с. 256.

ISSN 1727-9968

ISBN 5-9551-0105-5

Едва ли не самый знаменитый русский храм, что стоит на Красной площади в Москве, мало кому известен под своим официальным именем — Покрова на Рву. Зато весь мир знает другое его название — собор Василия Блаженного.

А чем, собственно, прославился этот святой? Как гласит его житие, он разгуливал голый, буянил на рынках, задирали прохожих, кидался камнями в дома набожных людей, насылал смерть, а однажды расколол камнем чудотворную икону. Разве подобное поведение типично для святых? Конечно, если они — юродивые. Недаром тех же людей на Руси называли еще «похабами».

Самый факт, что при разговоре о древнем и весьма специфическом виде православной святости русские могут без кавычек и дополнительных пояснений употребить слово своего современного языка, чрезвычайно показателен. Явление это укорененное, важное, — но не осмысленное культурологически.

О юродстве много писали в благочестивом ключе, но до сих пор в мировой гуманитарной науке не существовало монографических исследований, где «похабство» рассматривалось бы как феномен культурной антропологии. Данная книга — первая.

ББК 63.3(0)4

В оформлении обложки использован фрагмент иконы «Василий Блаженный» (XVI в., Москва, ГТГ), на форзаце — фрагмент гравюры Корнелиса де Бруина «Архангельский юродивый» (1708 г.).

Иванов Сергей Аркадьевич

БЛАЖЕННЫЕ ПОХАБЫ

Культурная история юродства

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки С. Жигалкина

Подписано в печать 15.09.2005. Формат 60X90 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 28. Тираж 2000. Заказ № 574.

Издательство «Языки славянских культур» № госрегистрации 1037789030641.

Phone: 207-86-93 Fax: 246-20-20 (для аб. М153) E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

ISBN 5-9551-0105-5

9 785955 101057

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»,
г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

© С. А. Иванов, 2005

© Языки славянских культур, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Глава 1. Предтечи и питательная среда юродства	23
Глава 2. Монастырские симулянты.....	55
Глава 3. Блудники и попрошайки	71
Глава 4. Святой дебош	103
Глава 5. «Второе издание» юродства	135
Глава 6. «Новые богословы»	167
Глава 7. Закат юродства.....	187
Глава 8. Древнерусское «похабство»	231
Глава 9. «Похаб» и царь	265
Глава 10. «Похабство» накануне Нового времени	289
Глава 11. Искоренение и неискоренимость юродства	317
Глава 12. Восточная периферия юродства	331
Глава 13. Западная периферия юродства.....	345
Заключение	369
Библиография	385
Список сокращений.....	431
Указатель имен.....	433

Полтора года назад британское издательство Oxford University Press предложило перевести и издать мою книгу «Византийское юродство», опубликованную в Москве в 1994 г. Поначалу мне казалось, что от меня потребуются усилия лишь библиографического свойства: за минувшее десятилетие в разных странах появилось не менее пяти ученых монографий, десятки статей и множество новых изданий и переизданий источников, так или иначе затрагивающих феномен юродства. Конечно, все это нужно было учесть, однако такого рода работа не представлялась чем-то особо сложным: ведь после выхода монографии не перестаешь интересоваться предметом, наоборот, постоянно прикидываешь, чем бы еще можно было украсить книгу. Так что следить за литературой я никогда не переставал.

Разумеется, при подготовке к новому изданию следовало также принять во внимание и те читательские отзывы, которые мне удалось получить со времени публикации «Византийского юродства». В частности, на монографию вышло двенадцать рецензий в семи странах, и многие из них содержали глубокие и ценные мысли. Наконец, мне казалось, что неизбежные трудности возникнут при попытке передать на иностранном языке те понятия, которые глубоко укоренены в родной почве и не имеют однозначных аналогов в других культурах.

Но когда я, десять лет спустя после выхода книги, уселся перечитывать ее подряд, скоро стало ясно, что все вышепоименованные проблемы ничто по сравнению с главной: мне не нравилось мое собственное сочинение. Что-то казалось неуместно пафосным, что-то некритически переписанным у других. Почти все нуждалось в нюансировании, а кое-что и в полном пересмотре.

И я начал переписывать книгу. Одни переделки влекли за собой другие, я тянул с передачей рукописи в Оксфорд и мучал своего переводчика постоянными просьбами перевести заново то один, то другой пассаж. В результате получилась совершенно новая книга, и мне показалось уместным издать ее не только по-английски, но и по-русски: она вдвое больше предыдущей и сильно отличается от нее методологически.

Дело не только в том, что общее количество юродивых, найденных мною в средневековых источниках, выросло по сравнению с «Византийским юродством» чуть не вполтину: важнее, что я задался вопросами, которые десять лет назад почему-то не приходили в голову: кто из тех, кого именуют юродивыми, суть мифологические персонажи, кто — живые люди, подделывающиеся (одни искренне, другие корыстно) под этих персонажей, кто — безумцы, чья болезнь угодила под благочестивую интерпретацию, и, наконец, кто те авторы, от которых мы все это узнаем, чего они хотят и на какую читательскую реакцию рассчитывают.

Культурная ситуация юродства на проверку вышла гораздо сложнее, чем мне когда-то представлялось: мало того, что даже по самим христианским правилам игры юродивый постоянно должен что-то изображать — те, кто изображает юродивых, практикуют лицедейство в квадрате, а те, кто нам все это изображает художественными средствами, в кубе! Эта зеркальная анфилада изображений уходит в бесконечность, и мне теперь весьма странно, что раньше я довольствовался термином «юродивый», словно понятной и все разъясняющей музейной биркой.

Отдельно надо сказать, что в новом варианте совершенно изменена древнерусская часть монографии; она настолько расширилась, что теперь уже невозможно игнорировать ее в заголовке. По этой и всем другим поименованным причинам книга называется «Блаженные похабы (культурная история юродства)» без конкретной географической привязки.

Последнее принципиальное обновление библиографии стало возможно благодаря моей двухмесячной командировке в Мюнхен (2003—2004 гг.) по стипендии Alexander von Humboldt-Stiftung. Концептуальное же обновление книги было бы затруднительным, если бы коллеги не делились со мною своей эрудицией. В первую очередь я благодарен В. М. Живову, Л. В. Мошковой, О. С. Поповой, Э. С. Смирновой, Б. Н. Флоре и С. Франклину, но особенно признателен А. А. Турилову, без чьих энциклопедических познаний и бескорыстной готовности помочь русская часть монографии вряд ли могла бы состояться.

Публикация книги стала возможна благодаря издательскому гранту РФФИ.

С. А. Иванов
Москва, 28 июня 2005 г.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня слова «похабный» и «блаженный» означают весьма различные вещи. Между тем в древнерусском языке они описывали одно и то же явление, для которого ныне осталось единственное слово: «юродство». Если вдуматься, не так уж и странно.

В настоящей работе юродивым будет именоваться человек, который публично симулирует сумасшествие, прикидывается дураком или шокирует окружающих нарочитой разнузданностью. Но это определение необходимо еще сузить: разного рода экстравагантность может быть названа юродством лишь в том случае, если ее свидетели усматривают за ней не просто душевное здоровье или сугубую нравственность, а еще и некую особую мотивацию, отсылку к иной реальности. В контексте православной культуры эта реальность — божественная; в контексте светской культуры Нового времени — психологическая. В обоих случаях задача юродства — показать, что вроде бы очевидное в действительности обманчиво; при этом «религиозный» юродивый намекает на неисповедимость высшего суда, а «светский» — на собственные невидимые миру достоинства. В нашем языке второй смысл юродства закономерно развился из первого. Сам тот факт, что при разговоре об этом древнем и странном феномене русские (и только они одни) могут без кавычек и дополнительных пояснений употреблять слово своего современного языка, чрезвычайно показателен: он демонстрирует важность и укорененность данного явления в нашей культуре.

Однако при попытке дать ему строгое определение это же обстоятельство и мешает. Слово слишком употребительно и многозначно¹. Например, у Достоевско-

¹ Достаточно сказать, что отыменные образования с этим корнем встречаются в русском Интернете более 31 400 раз, а

го² в «Братьях Карамазовых» юродивыми в разных контекстах именуются восемь персонажей, и половина из них, в нашей терминологии, таковыми не являются: Лизавета Смердящая — безвредная сумасшедшая, она ничего не симулирует, так что здесь мы имеем дело с дополнительным смысловым расширением; когда к юродивым причисляют старца Зосиму, Алешу или Ивана Карамазовых, это слово используется как бранный эпитет и тоже «нетерминологично». Из оставшихся четырех персонажей первые двое — «религиозные» юродивые, а вторые — «светские»: монахи Варсонофий и Ферапонт юродствуют сознательно, ориентируясь на старинные житийные образцы; Федор Павлович Карамазов — юродствующий шут; штабс-капитан Снегирев фиглярствует от униженности. Мирское значение возникло у слова лишь в XIX в., но оно весьма употребительно и сегодня.

Что же за психологический тип описывается как «юродивый»? Такой человек понимает, что со стороны он выглядит жалким, и упреждает чужое презрение утрированным самоуничижением, зарабатывая таким способом некоторые преимущества в собственных глазах (смысл компенсаторной реакции примерно таков: люди просто не в состоянии понять, каков я на самом деле, чего с ними связываться); на следующем витке этого психологического излома человек уже сам дает понять окружающим, что разыгрываемое пред ними самоуничижение неискренно и лишь призвано замаскировать его бесконечное над ними превосходство; на третьем же витке все тот же человек, догадывающийся, быть может, что производимое им впечатление на самом деле не со-

отлагольные — более 53 600 раз. Для сравнения: сочетание «holy fool» встречается во Всеминой паутине всего шесть с половиной тысяч раз.

² Юродство у Достоевского обсуждается во множестве исследований: *Onasch K.* Der Hagiographische Typus des «Jurodivy» im Werk Dostoevskijs // *Dostoevsky Studies*. V. I. 1980, p. 111—122; *Murav H.* Holy Foolishness: Dostoyevsky's Novels and the Poetics of Cultural Critique. Oxford, 1992; *Иванов В. В.* Безобразие красоты: Достоевский и русское юродство. Петрозаводск, 1993 и т. д.

всем бесосновательно, хочет путем скандала сорвать самое процедуру вынесения суждений. Такой человек фиглярствует не для веселья, а от ущемленности, оскорбляет под личиной наставления, прячет за театральным благодушием ежесекундную готовность к скандалу, публично кается в грехах, но не готов выслушать в них же упрек со стороны и т. д. Недаром русский язык родил поговорку: «Уничуждение — паче гордости». Видимо, первоначально это была банальная христианская мудрость о смирении, которое лучше гордыни (ср.: Притчи 29:23; 1 Петра 5:5), но со временем поговорка подверглась стихийной реинтерпретации: самоуничуждение *и есть* высшая форма гордости.

Впрочем, ниже о «психологическом юродствовании» если и будет кое-что сказано, то очень мало (ср. с. 181, 228, 266, 380—381). Ведь оно становится заметно лишь по мере истаивания в культуре религиозных мотиваций, то есть в Новое время; нашей же задачей является исследование средневекового юродства, которое, даже если подчас и приводилось в действие индивидуальными психологическими пружинами, все равно заявляло о себе как о чем-то религиозном. Голос самого юродивого в Средние века почти не звучит (ср., впрочем, с. 376—379), поскольку он неизменно выступает в качестве объекта описания.

Итак, ниже речь пойдет главным образом про христианское юродство. Необходимо оговориться, что «юродивый» — это сокращение более точного «юродивый Христа ради». Поскольку значения вроде «урод», «врожденный калека» у слова «юродивый» давно исчезли, да и простого «сумасшедшего» больше не называют «юродивым», усечение концептуально важного сочетания «Христа ради» вполне понятно. Теперь в православном дискурсе «юродивый» и значит только одно — «юродивый Христа ради»³. Православная точка зрения

³ Для православных существует понятие «лже-юродивых», но под этим словом тоже подразумеваются не «взаправду сумасшедшие», а «симулирующие без достаточных оснований юродство Христа ради». В редчайших случаях усечению под-